

УДК 316

В. В. Трухачева

Маскулинность как инструмент внешней политики США периода Холодной войны

Аннотация:

Традиционно гендерные исследования занимались изучением общественных явлений и их изменений. Сегодня через призму гендерных исследований рассматривается и анализируется даже мировая история. Автор статьи рассматривает период Холодной войны и участие в ней США с точки зрения маскулинности. Такой подход открывает и демонстрирует новые грани при рассмотрении международных отношений и понимании исторических процессов.

Ключевые слова: гендерные исследования, маскулинность, гегемонная маскулинность, Холодная война, США.

Об авторе: Трухачева Валерия Владиславовна, МГУ им. М. В. Ломоносова, магистрант 2 курса факультета Мировой политики; эл. почта: leratru10@gmail.com

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор факультета Мировой политики; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Представления о том, каким должен быть настоящий мужчина, существовали всегда, при этом в зависимости от времени, места и культуры эти представления существенно различались. Маскулинность неизменно играет важную роль в создании образа идеального мужчины.

Маскулинность можно понимать в качестве неких усвоенных образцов поведения, при выполнении которых мужчина соответствует социальным правилам мужского поведения, принятым в конкретном обществе. Маскулинность меняется в зависимости от общества и времени, она социально конструируется информационным и культурным пространством. Гендерные ожидания отражаются в социальных отношениях и институтах, влияя на то, как люди воспринимают друг друга и действуют в обществе. Они

поощряют мужчин и женщин, ведущих себя в соответствии с актуальными гендерными нормами, а также порицают при их отклонении.

По мнению И. Н. Тартаковской, существует четыре историко-культурных фактора, повлиявших на возникновение современной маскулинности. Первый фактор – это культурные трансформации, связанные с новыми представлениями о личности и сексуальности, возникшими в Европе Нового времени, когда старое доминирование религиозного мировоззрения о предназначении мужчин и женщин было подорвано. Вторым фактор – возникновение колониальных империй, режим которых имел отчетливо маскулинизированный характер. Так, мужчины-колонизаторы стали первым образцом современного типа маскулинности.

Третьим фактором выступает бурное развитие городов, которые позднее станут центрами капиталистических отношений. На первый план выходит рациональность, необходимая для предпринимательского успеха. В этих условиях формируется новый тип мужского поведения. Заключительным фактором в формировании маскулинности становится возникновение централизованных национальных государств, имеющих свои вооруженные силы. Военные и сотрудники бюрократического аппарата формируют базу для возникновения «дворянской маскулинности». Эти факторы и повлияли на создание такого понятия как гегемонная маскулинность [4, с. 164].

Австралийский социолог Р. Коннелл сегодня одна из наиболее известных исследователей гендерных отношений. Согласно автору, не существует универсального образа маскулинности, поэтому следует говорить скорее о «маскулинностях», то есть о множественности этого качества: «Ни единого мужского стиля жизни, ни единого канона маскулинности не существует» [2]. Маскулинности могут быть даже противоречивы и иметь определенные сложности. Поскольку реальная практика подтверждает этот тезис, возникает необходимость разработки типологии маскулинности и анализа конкретных типов. Но все же в научном сообществе до сих пор нет единой общепринятой типологии маскулинности. Особый интерес в этой связи представляет концепция гегемонной маскулинности.

Концепция гегемонии впервые представлена в работах А. Грамши. Он ввел понятие гегемонии, чтобы понять и объяснить, каким образом поддерживается господство одного отдельного класса в капиталистической формации. Грамши приписывает гегемонную, ведущую роль интеллигенции, поскольку, с одной стороны, она испытывает влияние господствующей социальной группы, а с другой, сама оказывает определенное воздействие на другие социальные группы. Интеллигенция создает нормативные образцы

поведения, которые приобретают господствующий характер. Тем самым утверждается гегемония доминирующего класса. Принятие гегемонии как легитимного феномена происходит, прежде всего, через принятие нормативных образцов поведения [1, с. 174.].

Термин «гегемонная маскулинность» был предложен Р. Коннел и ее соавторами Т. Карриганом и Дж. Ли. Согласно исследователям, гегемонной маскулинностью называется способ, с помощью которого определенные группы мужчин приспособляются к позиции власти и благосостояния, а также производят и легитимируют социальные взаимоотношения, поддерживающие их господство [5]. Гегемонную маскулинность можно также понимать в качестве гендерной практики, обуславливающей легитимность патриархата, который, в свою очередь, гарантирует доминирующее положение определенной группы мужчин над женщинами и остальными мужчинами [3].

Гегемонная маскулинность находится на вершине иерархии и конструируется в оппозиции к другим маскулинностям и фемининности. Подобное господство достигается с помощью культурного, социального или экономического статуса. Представляется, что атрибутом гегемонной маскулинности выступает сила, при этом она используется скорее для поддержания господства гегемонной маскулинности, нежели для ее достижения. В традиционном понимании маскулинность может ощущаться только на уровне общества, однако возможно перенести маскулинность и на государственный уровень, поскольку государство создает сильный образ своей страны на мировой арене, используя маскулинность в качестве инструмента.

С подобной точки зрения уместно рассматривать мировые политические и исторические процессы. Ярким примером в этом контексте выступает внешняя политика США. Соединенные Штаты используют маскулинность для создания и поддержания своего образа в мировой политике. Они представлены на международной арене как жесткая и агрессивная держава, «отстаивающая и защищающая» во всем мире «демократические ценности». Связь между внешней политикой и маскулинностью создается ими сознательно. После окончания Второй Мировой Войны началась эпоха Холодной Войны: США вступили в соперничество с Советским Союзом. В итоге соперничество привело к гонке вооружений, благодаря которой происходило развитие военных и экономических отраслей в обеих странах.

Более того, США стремились к «отцовской роли» в международном порядке [10, с. 213]. Это служило неким оправданием их внешнеполитических действий, а также причиной для вовлечения во множественные конфликты. Проявление маскулинности во внешнеполитической риторике и действиях проявляется наиболее ярко, когда США вовлекаются в конфликт, представляющий реальную внешнюю угрозу для национальной безопасности или угрозу подрыва позиций США на международной арене.

В США маскулинная национальная идентичность является социальной основой, которая подтверждает косвенные ассоциации между маскулинностью и внешней политикой. На международном уровне государства явно демонстрируют гегемонную маскулинность, если соперники воспринимаются как угроза национальной безопасности. При столкновении с внешней угрозой США часто начинают информационную кампанию, нацеленную на ослабление образа маскулинности соперника, чтобы выглядеть более сильным государством даже на уровне ассоциаций и представлений [9].

Связь между маскулинностью, военными действиями и военной службой существовала всегда и во всем мире, а образ солдата часто выступал в качестве образа идеального мужчины. Более того, воинственная доблесть и отвага солдата традиционно расцениваются как атрибуты маскулинности. Так, во времена Второй мировой войны произошла милитаризация американской нации, благодаря которой милитаризованная маскулинность получила широкое распространение. Победа во Второй мировой войне также повлияла на улучшение образа американского солдата – этот образ стал более благородным и доблестным. Военная культурная пропаганда, популяризирующая образ и идеалы милитаризованной гегемонной маскулинности вызвали закономерный отклик у мужской части американского населения.

Исторически мужчины доминировали на политических должностях, и XX в. не стал для них исключением. Для политиков и чиновников высшего уровня маскулинизированный дискурс и маскулинные черты стали важными составляющими их образа. Впрочем, женщины также были вовлечены в политику, хотя и занимали весьма небольшой процент должностей. На протяжении 1950-1960-х гг. отмечается сильный всплеск маскулинизированного политического дискурса и риторики. Подчеркивается телесная маскулинность, дополняемая социальным одобрением военной службы. Все это привело к тому, что политики начали подчеркивать свои военные заслуги.

У американского общества сформировался запрос на то, чтобы государство на мировой арене представлял именно мужчина. Существует определенная эмоциональная

связь между американцами и маскулинностью – это проявляется в том, что существует запрос на жесткую и доминирующую внешнюю политику. Атрибуты маскулинности настолько важны для американской национальной идентичности, что их часто идеализируют, когда используют в качестве руководящих принципов американской внешней политики, независимо от того, действительно ли они отвечают интересам США или нет [9].

Служба в армии фактически становится обязательным требованием для высокого поста в политике. Ярким примером выступает 35-й президент США Дж. Кеннеди. Немаловажной частью его образа были рассказы о героических поступках во время Второй мировой войны. Он служил во Второй эскадре торпедных катеров, базирующуюся на Соломоновых островах в Южной части Тихого океана в 1943 г. Большая часть образа Дж. Кеннеди была сформирована вокруг его лидерства и мужества в сочетании с представлением о том, что он командовал элитными боевыми силами. В результате это повествование развеяло любые сомнения в его «мягком» воспитании в высшем классе и элитном образовании [7].

Принципиальный антикоммунизм также стал доминирующим аспектом внешней (и внутренней) политики США, а сила и военная мощь американской армии воспринимались обществом в качестве необходимых мер для сдерживания «агрессоров», «красной угрозы» и т.д. Американские солдаты стали яркими представителями нации, поэтому многие мужчины того времени воспринимали маскулинность исключительно через подобную призму. После Второй мировой войны Американские солдаты не столько защищали свои границы, сколько оказались символом потенциальной силы и защиты.

Представитель гегемонной маскулинности в значительной степени был создан с помощью политической системы, однако в дальнейшем был сформирован через создание определенного образа и распространение его в массы с помощью средств массовой информации. Как образ американских военных, так и изображения солдат в средствах массовой информации и даже художественных произведениях создали идеализированного мужчину, воплотившего в себе все качества гегемонной маскулинности. Тем самым эти качества укрепили свою власть над определениями мужественности, маскулинности и гендерных отношений внутри и за пределами вооруженных сил.

В работе «Война и гендер» политолог Дж. Голдштейн отмечает, что мужественность и культура воина были связаны друг с другом и оставались во многом синонимичны. Такие качества, как агрессия, мужество, отвага долгое время считались

необходимыми для успеха вооруженных сил и, таким образом, прививались как часть высшей мужественности [6].

Доминирующей составляющей американской внешней политики времен Холодной войны оставалось идеологическое противостояние с СССР. Существовала угроза распространения коммунизма по всему миру, при этом коммунизм считался репрессивной формой правления, противостоящей «традиционным» американским ценностям «свободы», капитализма и «демократии». Оформившаяся идеологическая биполярность мира побудила американцев сделать акцент на важности мужских качеств и идеалов в определении их коллективной национальной идентичности. В результате идеологическая угроза коммунизма была охарактеризована как антитеза американской идентичности и маскулинности.

Подтверждение жесткой американской мужественности было подкреплено риторикой и внешнеполитическими инициативами политических деятелей Холодной войны. Так, в первые годы Холодной войны президент Дж. Кеннеди подчеркивал важность представления жесткой и мужской фигуры на международной арене и утверждал, что снижение суровой американской маскулинности внутри страны приведет к снижению американского военного потенциала за рубежом [9].

В ходе Холодной Войны появилась одержимость маскулинными твердостью и жесткостью во внешнеполитическом дискурсе, а все противоположные маскулинности качества воспринимались в качестве угрозы. «Мягкие, бесхребетные обманщики иностранной державы, неспособные постоять за себя» – подобный образ коммунистов был широко распространен в американском обществе [8, с. 170]. Этот пример наглядно демонстрирует то, как американское общество определяет и конструирует свою коллективную национальную идентичность в противовес внешним угрозам при использовании маскулинности. Таким образом, Холодная война – знаковый пример маскулинности как мотиватора внешней политики, создавшего политическую среду, в которой легитимность лидерства определялась гендерными полярностями силы и слабости [9].

Одним из наиболее убедительных примеров использования маскулинности в американской внешней политике в эпоху Холодной войны стала вьетнамская кампания. США вступили в нее якобы для того, чтобы доказать свою «отцовскую роль» в международных отношениях, которую они стремились получить и утвердить после окончания Второй мировой войны. Именно поэтому США чувствовали себя

вынужденными поддерживать и наращивать военные действия во Вьетнаме, опасаясь, что они могут не достичь заветной «роли отца» на мировой арене. Маскулинное оправдание военного участия во Вьетнаме было эффективным в продлении войны во Вьетнаме, поскольку оно воплощало принципы, тесно связанные с американским чувством собственного «я» и коллективной идентичностью [11, с. 167.].

В оптике гендерных исследований внешняя политика США во времена Холодной войны была довольно маскулинизированной. Благодаря использованию маскулинности, американские мужчины и даже американская нация в целом сплотились. При этом маскулинность сыграла свою роль в итогах этого противостояния. Одним из продуктов Холодной войны, иллюстрирующих появление стойкой маскулинности для будущей американской внешней политики стало установление определенного эталона вооруженных сил, рост военно-промышленного комплекса и развитие национальной безопасности.

Библиографический список:

1. Грамши А. Искусство и политика: В 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1991. 431 с.
2. Куимов В. С. Проблема типологии маскулинности в гендерных исследованиях // Теория и практика общественного развития. 2015. №4. С. 26-30.
3. Стяжкина Е. В. Маскулинность как историческая проблема // Диалог со временем. 2010. №. 31. С. 338-373.
4. Тартаковская И. Н. Гендерная социология. М.: ООО «Вариант», 2005. 368 с.
5. Carrigan T. Toward a New Sociology of Masculinity / T. Carrigan, R. Connell, J. Lee // Theory and Society. 1985. V.14. P. 551-604.
6. Goldstein J. War and gender: How gender shapes the war system and vice versa. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 523 p.
7. John F. Kennedy: World War II Naval Hero to President [Electronic resource] // National Park Service. Available at: <https://www.nps.gov/articles/kennedyww2.htm> (accessed date: 20.01.2023).
8. Kimmel M. Manhood in America. Oxford: Oxford University Press, 2017. 400 p.
9. Rice M. When Gendered Identities are National Identities: The Influence of Masculinity on American Foreign Policy [Electronic resource] // Towson University Journal of International Affairs. 2018. Vol. 51. No. 2. Available at: [43](https://cpb-us-
</div><div data-bbox=)

w2.wpmucdn.com/wp.towson.edu/dist/b/55/files/2018/05/SPRING-2018-RICE-ARTICLE-1o3djwr.pdf (accessed date: 20.01.2023).

10. Sjoberg L. *Gendering Global Conflict. Toward a Feminist Theory of War*. New York: Columbia University Press, 2013. 461 p.

11. Hixon W. *The Myth of American Diplomacy*. New Haven; Connecticut: Yale University Press, 2009. 392 p.

Trukhacheva V.V. Masculinity as a tool of US foreign policy during the Cold War

Traditionally, gender studies are engaged in the study of social phenomena and their changes, but now they even consider and analyze history through the prism of gender studies. In this article, the Cold War period and the participation of the United States of America are considered from the point of view of masculinity. With this approach to international relations, it is possible to study and understand world history in more detail.

Keywords: gender studies, masculinity, hegemonic masculinity, Cold War, USA.